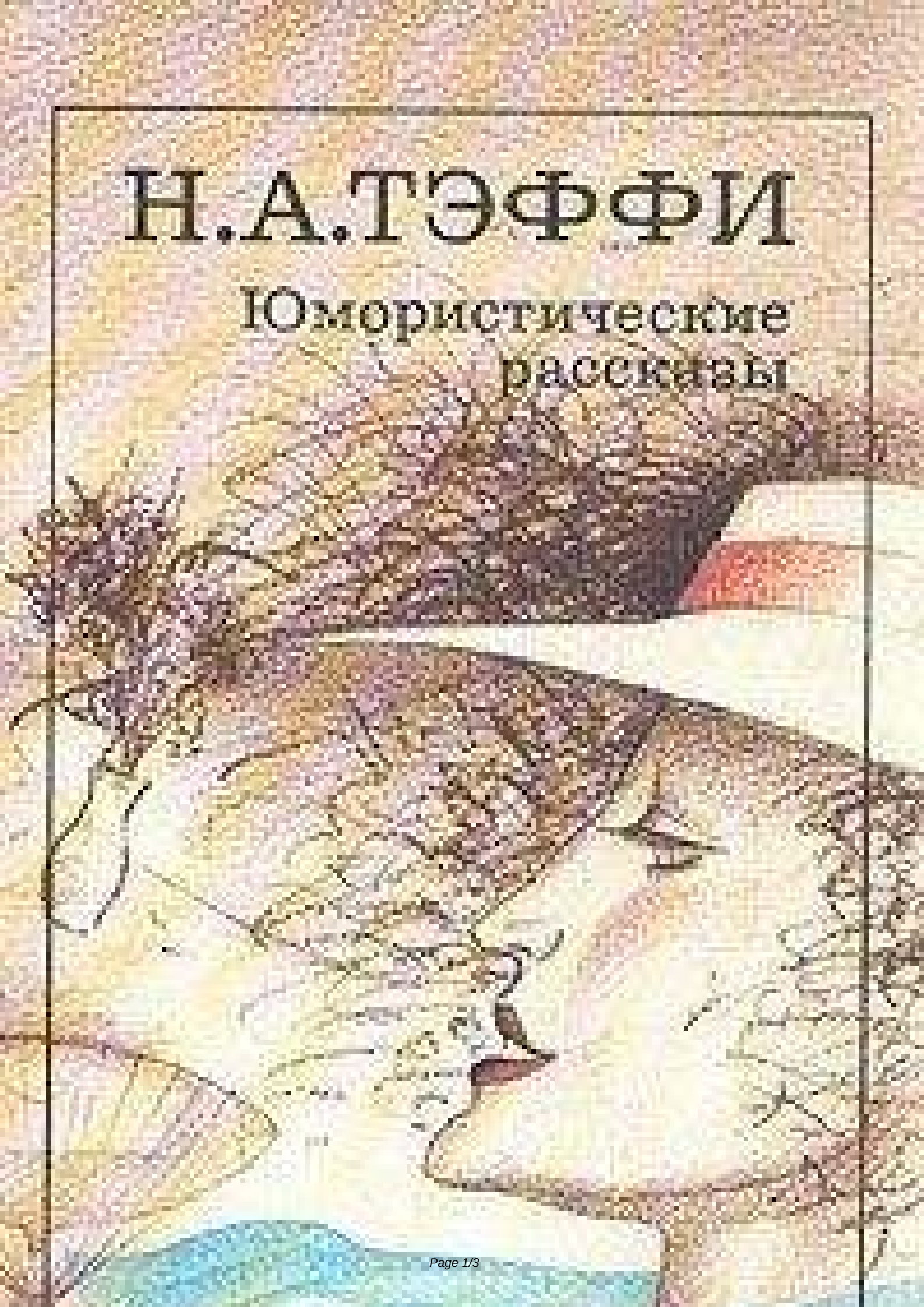
Н.А.ТЭФФИ

Юмористические рассказы



Надежда Тэффи

Корсиканец

Допрос затянулся, и жандарм почувствовал себя утомленным; он сделал перерыв и прошел в свой кабинет отдохнуть.

Он уже, сладко улыбаясь, подходил к дивану, как вдруг остановился, и лицо его исказилось, точно он увидел большую гадость.

За стеной громкий бас отчетливо пропел: «Марш, марш вперед, рабочий народ!…»

Басу вторил, едва поспевая за ним, сбиваясь и фальшивя, робкий, осипший голосок: «ря-бочий на-ред…»

– Эт-то что? – воскликнул жандарм, указывая на стену.

Письмоводитель слегка приподнялся на стуле.

– Я уже имел обстоятельство доложить вам на предмет агента.

– Нич-чего не понимаю! Говорите проще.

– Агент Фиалкин изъявляет непременное желание поступить в провокаторы. Он вторую зиму дежурит у Михайловской конки. Тихий человек. Только амбициозен сверх штата. Я, говорит, гублю молодость и лучшие силы свои истрачиваю на конку. Отметил медленность своего движения по конке и невозможность применения выдающихся сил, предполагая их существование…

«Крявавый и прявый…» – дребезжало за стеной.

– Врешь! – поправлял бас.

– И что же – талантливый человек? – спросил жандарм.

– Амбициозен даже излишне. Ни одной революционной песни не знает, а туда же лезет в провокаторы. Ныл, ныл… Вот, спасибо, городовой, бляха № 4711… Он у нас это все, как по нотам… Слова-то, положим, все городовые хорошо знают, на улице стоят, – уши не заткнешь. Ну, а эта бляха и в слухе очень талантлива. Вот взялся выучить.

– Ишь! «Варшавянку» жарят, – мечтательно прошептал жандарм. – Самолюбие вещь не дурная. Она может человека в люди вывести. Вот Наполеон – простой корсиканец был… однако достиг, гм… кое-чего.

«Оно горит и ярко рдеет.

То наша кровь горит на нем», – рычит бляха № 4711.

– Как будто уж другой мотив, – насторожился жандарм. – Что же он, всем песням будет учить сразу?

– Всем, всем. Фиалкин сам его торопит. Говорит, быдто какое-то дельце обрисовывается.

– И самолюбьище же у людей!

«Семя грядущего…» – заблеял шпик за стеной.

– Энергия дьявольская, – вздохнул жандарм. – Говорят, что Наполеон, когда еще был простым корсиканцем…

Внизу с лестницы раздался какой-то рев и глухие удары.

– А эт-то что? – поднимает брови жандарм.

– А это наши, союзники, которые на полном пансионе в нижнем этаже. Волнуются.

– Чего им?

– Пение, значит, до них дошло. Трудно им…

– А, ч-черт! Действительно, как-то неудобно. Пожалуй, и на улице слышно, подумают, митинг у нас.

– Пес ты окаянный! – вздыхает за стеной бляха. – Чего ты воешь, как собака? Разве революционер так поет! Революционер открыто поет. Звук у него ясный. Кажное слово слышно. А он себе в щеки скулит, да глазами во все стороны сигает. Не сигай глазами! Остатний раз говорю. Вот плюну и уйду. Нанимай себе максималиста, коли охота есть.

– Сердится! – усмехнулся письмоводитель. – Фигнер какой!

– Самолюбие! Самолюбие, – повторяет жандарм. – В провокаторы захотел. Нет, брат, и эта роза с шипами. Военно-полевой суд не рассуждает. Захватят тебя, братец ты мой, а революционер ты или честный провокатор, разбирать не станут. Подрыгаешь ножками.

«Нашим потом жиреют обжоры», – надрывается городовой.

– Тьфу! У меня даже зуб заболел! Отговорили бы его как-нибудь, что ли.

– Да как его отговоришь-то, если он в себе чувствует эдакое, значит, влечение. Карьерист народ пошел, – вздыхает письмоводитель.

– Ну, убедить всегда можно. Скажите ему, что порядочный шпик так же нужен отечеству, как и провокатор. У меня вон зуб болит…

«Вы жертвою пали…» – жалобно заблеял шпик.

– К черту! – взвизгнул жандарм и выбежал из комнаты. – Вон отсюда! – раздался в коридоре его прерывающийся, осипший от злости голос. – Мерзавцы. В провокаторы лезут, «Марсельезы» спеть не умеют. Осрамят заведение! Корсиканцы! Я вам покажу корсиканцев!…

Хлопнула дверь. Все стихло. За стеной кто-то всхлипнул.